

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Англия

ФЕРГЮС
КЬЮМ

ОПЯЛОВЯЯ
ЗМБЯ

—
Зягядкя
Пикядилли

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х98

Fergus Hume
THE OPAL SERPENT
THE PICCADILLY PUZZLE

Перевод с английского Ларисы Соловьевой
Серийное оформление Екатерины Скворцовой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Хьюм Ф.

Х98 Опаловая змея : сборник / Фергюс Хьюм ; пер. с англ. Л. Соловьевой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 576 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26122-8

Викторианская Англия. Пол Бикот, единственный наследник провинциального аристократа, не в силах терпеть самодурство отца и, желая снискать славу на литературном поприще, отправляется в Лондон. Разгневанный отец отказывает ему в материальной поддержке, и Пол ведет скромную жизнь начинающего литератора, что, впрочем, не мешает ему безумно влюбиться в дочь владельца букинистической лавки. События принимают неожиданный и опасный оборот, когда мать Пола втайне от отца посылает ему золотую индийскую брошь в виде инкрустированной опалами и бриллиантами змеи. Брошь оказывается ключом к загадочному и мрачному прошлому букиниста, которого тот пытался бежать более двадцати лет...

Роман «Загадка Пикадилли» — головокружительное расследование убийства, жертва которого обнаружена в тумане недалеко от знаменитой лондонской улицы. В числе подозреваемых оказываются представители родовитой британской аристократии, и детектив Даукер едва не отправляет на виселицу невиновного.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Л. Я. Соловьева, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26122-8

ОПАЛОВАЯ ЗМЕЯ

Глава I

ДОН КИХОТ В ЛОНДОНЕ

Саймон Бикот владел весьма скромным поместьем, дававшим скромный доход, но его умственные способности были еще скромнее. Он жил в Уоргроуве в Эссексе и проводил свободное время, то есть все двадцать четыре часа в сутки, браня свою увядшую жену и огрызаясь между делом на сына. Миссис Бикот, преждевременно постаревшая от вечных издевательств, принимала его кислые взгляды и резкие слова как нечто ниспосланное Провидением и неизбежное, но Пол, юноша пылкий, ненавидел бесполезные придирки. Он обладал более острым умом, чем его родитель, и отец семейства, естественно, возражал против сей несправедливости природы. Кроме того, Пол жаждал славы, что тоже составляло преступление в глазах домашнего тирана.

Других детей у Саймона не было, Пол являлся единственным наследником всех фамильных земельных угодий, и потому нынешний владелец советовал сыну дожидаться наследства, ничем себя не утруждая. Проще говоря, старший мистер Бикот, происходивший из династии бездельников среднего достатка, хотел, чтобы и его сын тоже стал бездельником. К тому же, когда расстроенная им миссис Бикот

удалялась в слезах в свою комнату, единственным, на ком ее мучитель мог сорвать свое плохое настроение, оставался Пол. Если бы этот мальчик для биття уехал, его отцу пришлось бы отказать себе в этом удовольствии, ибо слуги не любят, когда их ругают без всякой причины. Много лет мистер Бикот-старший отводил душу, вымещая на домашних свое дурное настроение, но в двадцать пять лет Пол, наконец, счел, что это слишком солидный возраст, чтобы продолжать терпеть оскорбления, и объявил о своем намерении завоевать Лондон в качестве бумагомарателя.

Родители ответили на это многословными возражениями. Миссис Бикот, верная своей натуре, расплакалась и заговорила о птенцах, вылетающих из гнезда, в то время как ее муж, надувшись, как лягушка, и покраснев, как бородка индюка, разразился потоком самых отборных выражений. В ответ Пол объявил день своего отъезда, чем заставил его разойтись еще больше. После этого мамаша Бикот удалилась в свои покои в сопровождении горничной, жженных перьев и нюхательных солей, а папаша, в качестве последнего и решающего довода, фигуральным образом застегнул карманы.

— Ни одного шиллинга ты от меня не получишь, — сказал Бикот-старший, добавляя к каждому слову цветистые эпитеты.

— Я ничего не прошу, — заявил Пол, сохраняя самообладание, поскольку этот рассерженный индюк все-таки был его отцом. — Я накопил пятьдесят фунтов. Не из моих карманных денег, — поспешно добавил он, предвидя дальнейшие возражения. — Мне заплатили их за рассказы.

— Проклятая торгашеская наследственность! — фыркнул отец семейства (на самом деле он употребил более сильные выражения). — Дядя твоей матери занимался торговлей. Слава богу, никому из моих родных никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь трудом, физическим или умственным. Бикоты всегда жили как джентльмены.

— Я бы сказал, как овощи, судя по вашему описанию, отец.

— Попрошу без наглости! Как ты смеешь позорить свою семью? Подумать только, сочинитель! Полная чушь, не сомневаюсь. — Последовало еще несколько выразительных эпитетов. — И, готов поклясться, ты взял деньги, взял!

— Я только что сообщил вам, что взял только собственные деньги, — спокойно сказал Бикот-младший. — Буду жить в городе на свои сбережения. Вернусь, когда сделаю себе имя и состояние.

— Никогда! Никогда! — закулдыкал индюк. — Если ты окажешься в сточной канаве, то можешь валяться там всю жизнь. Я вычеркну тебя из завещания.

— Очень хорошо, сэ. Договорились. Давайте сменим тему.

Но старик слишком разошелся, чтобы оставить сына в покое. Он поинтересовался, знает ли Пол, с кем говорит, спросил, читал ли он те стихи Библии, где говорится об обязанностях детей по отношению к родителям, упомянул о том, что матушка Пола, вероятно, умрет от горя, и закончил патетическим утверждением, что лишился опоры на старости лет. Пол вежливо выслушал его, но остался при своем мнении. В защиту которого затем подробно высказался.

— Я знаю, что разговариваю с отцом, сэр, — сказал он с чувством. — Вы никогда не даете мне забыть об этом факте. Если бы другой человек говорил со мной так, как вы, я бы, наверное, проломил ему голову. Я читал Библию, и там говорится и об обязанностях родителей по отношению к детям, — в которые, уж конечно, не входит обращение с ними, как с карманниками. Моя мать не зачехнет, если вы будете оставлять ее в покое хотя бы на три часа в день. А что касается того, что я — опора вашей старости, то энергичность ваших выражений свидетельствует о том, что у вас еще достаточно сил, чтобы выстоять в одиночку.

Отец семейства, никогда еще не сталкивавшийся с подобным отпором, поспешно выпил бокал портвейна — разговор происходил во время семейной трапезы — и заявил... Впрочем, невозможно передать здесь его ответ, поскольку тот состоял из одних звуков. Из чувства справедливости по отношению к себе и из жалости к отцу Пол прервал эту сцену и вышел из комнаты, не изменив своего решения. Мистер Бикот же отправился в спальню, где прочел жене нотацию о том, как чудовищно было произвести на свет отцеубийцу. Впервые в жизни услышав здравые возражения, он решил, что не стоит смягчать краски перед женщиной, слишком слабой, чтобы сопротивляться его издевательствам.

На следующее утро виновник переполоха, не уклонившись ни на волос от намеченного плана, простился с матерью и официально попрощался с джентльменом, именовавшим себя лучшим из отцов. Бикот-старший, индюк и тиран, вел себя несколько более сдержанно: он понял, что пустыми

угрозами ничего не добьется. Но приступ здравого смысла случился слишком поздно. Пол уехал со всеми своими пожитками, оставив отца браниться в пустоту. Даже миссис Бикот не могла его слышать, поскольку упала в обморок.

Как только Бикот-младший покинул дом, отец семейства объявил, что остался без наследника, убрал фотографию Пола из гостиной и задумался, кого из родственников, с которыми он давно разругался, следует усыновить. Про себя Саймон подумал, что был чересчур строг, и, если бы не его упрямство — которое он считал твердостью, — простил бы блудного сына. Но теперь сын, этот предприимчивый авантюрист, был вне пределов слышимости и даже не оставил адреса. Скандалист Саймон Бикот мог быть неплохим старикашкой, когда получал достойный отпор, поэтому признал, что у Пола действительно есть сила воли, унаследованная от него самого, и сделал пророчество, хотя и неверное.

— Он вернется, когда истратит свои пятьдесят фунтов, — заявил Саймон с тихой яростью, — и уж тогда... — Он погрозил в пустоту сжатым кулаком, лишний раз доказав, что горбатого могила исправит.

Итак, Пол Бикот приехал в Лондон и, в лучших традициях, снял квартиру на чердаке в Блумсбери, где жил, питаясь вдохновением и овсянкой. За шесть месяцев он исписал кипы бумаги опусами на всевозможные темы и в самых разных стилях, усердно обивая пороги издательств — с переменным успехом. Иногда он уходил с чеком, но чаще карман его отдувался от возвращенной объемистой рукописи.

Когда ему надоедало излагать воображаемые горести, у него оставалось время подумать о своих собственных,

однако, будучи жизнерадостным юношей с неукротимым духом, он гнал от себя заботы, погружаясь в созерцание дешёвого мира, то есть того, который можно разглядывать бесплатно, — мира улицы. Пол был зрителем драмы, которую человечество разыгрывает с утра до ночи, от заката до рассвета, и, как правило, актеры не ударяют в грязь лицом. Особенно убедительны в человеческой комедии роли бедняков: голодающие всегда выглядят весьма драматично в своих попытках добыть пропитание. С записной книжкой в руке Пол смотрел зрелищные спектакли в Вест-Энде, гротескные фарсы в Стрэнде, мелодрамы в Уайтчепеле и полночные трагедии на мосту Ватерлоо. Однажды он даже изрядно подпортил одну сенсационную сцену, поймав за юбки голодную героиню, пожелавшую совершить речное путешествие в мир иной. Но по большей части юноша оставался зрителем и занимался плагиатом с реальной жизни.

Вскоре могущественный режиссер вселенского театра принял в актеры и Пола, и в пьесе жизни ему достались две роли: недооцененного автора и вздыхающего влюбленного. Для первой роли он держал у себя в столе десяток рассказов, пару романов, три драмы и пачку сомнительных стихов. Они не заинтересовали ни редакторов, ни режиссеров, ни издателей, и в конечном итоге их автор остался с последней пятифунтовой банкнотой в кармане. В такой ситуации незадачливый пылкий юноша непременно влюбляется. Кто его божественная возлюбленная, что она собой представляет и почему ее следует обожествовать, можно будет понять из разговора ее воздыхателя со старым школьным товарищем.

В один июньский день, в пять часов вечера Пол встретил на Оксфорд-стрит Грексона Хэя. На углу улицы, ведущей к его чердаку в Блумсбери, автора похлопало по плечу блистательное существо с Бонд-стрит. Упомянутое существо было облачено в идеально сидящий сюртук с орхидеей в петлице, шелковую шляпу и брюки с безукоризненными складками спереди и сзади; наряд довершали серые перчатки, сверкающие ботинки и трость с золотым набалдашником. Тот факт, что Пол остановился без всяких колебаний, свидетельствовал о том, что он еще не влез в долги и не боялся кредиторов. Какой-нибудь автор из трущоб в былые времена подпрыгнул бы выше головы от одного прикосновения. Но совесть Пола была чиста, и он неспешно повернулся и встретил вопросительным взглядом, не узнавая, гладко выбритое, спокойное, бесстрастное лицо.

— Бикот! — воскликнул прохожий, быстро оценив потрепанный костюм Пола и весь его не менее потрепанный вид. — Значит, не обознался.

Голос, в отличие от лица, пробудил в Поле старые воспоминания.

— Хэй — Грексон Хэй! — воскликнул борющийся за место под солнцем гений. — Что ж, рад тебя видеть. — И он пожал протянутую руку искренним жестом честного человека.

— Взаимно. — Хэй повел друга по боковой улице, прочь от людского потока, переполнявшего тротуар. — Но ты, кажется...

— Это долгая история, — перебил его Пол, вспыхнув. — Пойдем в мой замок, старина, и я все тебе расскажу.

Ты ведь поужинаешь со мной? Вот, — показал Бикот сверток, который нес, — фунт сосисок. Ты любил их в школе, а я превосходный повар.

Грексон Хэй привык скрывать свои чувства за красивыми выражениями и словами, но с Полом, которого всегда считал великодушным ослом еще со времен учебы в Торрингтонской школе, можно было не притворяться. Бикот слишком туп и, пожалуй, слишком честен, чтобы обратить какую-либо возможность в свою пользу.

— Удивительнейшая вещь, — спокойно проговорил Хэй, — как удивительно, что мой друг из Торрингтонской школы, сын богатых родителей, покупает сосиски.

— Пойдем. — Пол с воодушевлением потащил старого знакомого к себе домой. — Я же не прошу у тебя денег.

— Я готов одолжить, если ты нуждаешься, — пообещал Хэй, но это предложение было вовсе не таким щедрым, как могло бы показаться. В этом был весь Грексон. Он постоянно лицемерил и прекрасно знал, что болезненная гордость Бикота не позволит ему занимать даже самые незначительные суммы.

Пол, человек неискушенный, принял эту щедрость за чистую монету, и его мрачное лицо просветлело.

— Ты настоящий друг, Хэй, — заявил он, — но мне не нужны деньги. Нет! — воскликнул он в ответ на красноречивый взгляд состоятельного знакомого. — Мне вполне хватает средств, кроме того, — он бросил взгляд на великолепное платье модного щеголя, — я не блистаю в Вест-Энде.

— Что намекает на то, что те, кто блещут, богаты, — сказал Грексон с ледяной улыбкой. — Ошибаешься, Бикот.

Я беден. Только нищие могут позволить себе хорошо одеваться.

— В таком случае я, должно быть, миллионер, — рассмеялся Бикот, бросив взгляд на свой поношенный костюм. — Но идем, нам сюда, вверх по этой лестнице! Нам есть о чем поговорить, столько всего произошло.

— Столько хорошего, — учтиво заметил Грексон.

Пол пожал квадратными плечами и начал восхождение к небесам — на самый верхний этаж дома.

— Надеюсь, хорошего для тебя, но уж никак не для меня. Добро пожаловать в Замок Бедности. — И хозяин принялся разжигать огонь перед модным гостем в квартире, о подобных которой тот читал, но никогда не видел собственными глазами.

Это была вполне подходящая мансарда для голодающего гения — маленькая, мрачная, голая, но безупречно чистая. Пол частично покрывали обрывки старого ковра, выцветшего и потертого, а стены были сплошь оклеены картинками из иллюстрированных журналов. Одно окно, за которым виднелись бесконечные ряды закопченных дымовых труб, было задрапировано ветхими репсовыми занавесками тускло-красного цвета. В углу, за индийской ширмой, стояла узкая походная кровать, покрытая пестрой восточной шалью, и большая жестяная ванна с кувшином воды рядом. К другой стене прислонился неуклюжий книжный шкаф, заполненный потрепанными томами в старых переплетах. По одну сторону крохотного камина стоял диван, набитый конским волосом, с наброшенным сверху пышным меховым ковром, по другую — буфет, откуда Бикот быстро извлек

посуду, ножи, вилки, сковородку, салфетки и другие столовые принадлежности самого дешевого вида. Простой стол в центре комнаты и старинное бюро красного дерева, заваленное бумагами, под окном завершали обстановку «замка», возвышавшегося над землей на четыре лестничных пролета, как тот знаменитый чердак в поэме Теккерей.

— Настолько близко к небесам, насколько это возможно, — продолжал говорить Бикот, ловко поджаривая сосиски и усаживая гостя на диван. — Еда скоро будет готова. Я первоклассный повар, благослови тебя Господь, старина. А заодно и горничная. Чисто здесь, да? — Он гордо обвел вилокй скудно обставленную комнату. — В противном случае пришлось бы себя уволить.

— Но... но... — заикаясь, пробормотал удивленный Хэй, рассматривая обстановку комнаты в монокуляр. — Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь подняться на нижнюю ступеньку лестницы Славы.

— Но я не совсем понимаю...

— Прочти биографию Бальзака, тогда поймешь. Родные поселили его на чердаке и дали ему пособие, на которое он мог умереть голодной смертью, в надежде вызвать у него отвращение к писательству. Мой отец, за исключением пособия, сделал то же самое. Вот чердак, а вот моя голодная смерть. — Пол весело поставил сковородку с сосисками на щербатую плиту. — А вот твой честолюбивый слуга, надеющийся стать романистом, драматургом и кем угодно еще, почему бы и нет? Горчица, вот ты где. Подожди немного. Я заварю тебе чай или какао.

— Я никогда не пью такое за едой, Бикот.

— Твой внешний вид убеждает меня в этом. Тебе больше подойдет шампанское. Послушай, Грексон, чем ты сейчас занимаешься?

— Тем же, чем и другие люди из Вест-Энда, — ответил Хэй, набрасываясь на сосиску.

— То есть ничем. Ну, ты же всегда бездельничал в Торрингтоне. Стоит ли ожидать, что леопард сменит свои дерзкие пятна?

Хэй рассмеялся и за едой рассказал о себе.

— После окончания школы меня усыновил богатый дядя, — сказал он. — Когда он отправился тем путем, которым рано или поздно отправляется всякий человек из плоти и крови, то оставил мне тысячу в год, и этого достаточно, чтобы жить в строгой экономии. У меня квартира на Александер-стрит в Кэмден-Хилле, круг друзей и хороший аппетит, как ты уже убедился. Со всем этим я живу очень комфортно.

— Ха! — усмехнулся Пол, бросив на гостя пронизательный взгляд. — У тебя отличное пищеварение, необходимое для счастья. А крепкое сердце? Насколько я помню, в школе...

— Черт побери! — воскликнул Грексон, заливаясь румянцем. — Я никогда не вспоминаю о школе. Рад, что это осталось позади. Но мы были там большими друзьями, Пол.

— Что-то вроде Стирфорта и Дэвида Копперфильда, — ответил Бикот, отодвигая тарелку. — Ты был моим героем, а я — твоим рабом. Но другие мальчишки... — Он снова взглянул на собеседника.

— Они ненавидели меня, потому что не понимали, в отличие от тебя.

— Если это так, Грексон, то почему ты позволил мне ускользнуть из твоей жизни? Прошло десять лет с тех пор, как мы расстались. Мне было пятнадцать, а тебе двадцать.

— А теперь нам двадцать пять и тридцать соответственно, — сухо заметил Хэй. — Ты ушел из школы раньше меня.

— Да, у меня была скарлатина, и меня забрали домой лечиться. Я не вернулся в школу и с тех пор ни разу не встречался ни с кем из Торрингтона...

— В самом деле? — нетерпеливо спросил Грексон.

— Ну да. Родители увезли меня за границу, и я поступил в немецкий университет. Потом вернулся, бездельничал в поместье у отца, но мне надоело безделье, и, имея честолюбие, я приехал попытать счастья в городе. — Пол обвел взглядом комнату и рассмеялся. — Видишь, как успешно.

— Что ж, — сказал Хэй, доставая из золотого портсигара изящную сигарету и закуривая, — мой покойный дядя отправил меня в Оксфорд, а потом я поехал путешествовать. А теперь сам по себе, как уже говорил, и у меня нет ни одного родственника на свете.

— Почему ты не женишься? — краснея, спросил Пол.

Хэй всегда отличался наблюдательностью и потому заметил румянец приятеля и догадался о его причине. Он мог сложить два и два не хуже других.

— Я мог бы задать тебе тот же вопрос, — отозвался он.

Друзья посмотрели друг на друга, и каждый подумал о том, как изменился его товарищ со школьных времен. Грексон был

чисто выбрит, светловолос и держался с почти ледяным спокойствием. Глаза у него были голубыми и холодными. По выражению его лица невозможно было понять, что у него на уме. Вообще-то он носил эту маску почти всегда, хотя в данный момент, когда в нем возобладали лучшие чувства, она немного сползла. Но, как правило, он сохранял контроль над выражением лица, словами и действиями. Замечательным примером самообладания был этот Грексон Хэй.

С другой стороны, Бикот был художав, высок и темно-волос, с энергичными манерами и с лицом, на котором отобразались все его мысли. У него был смуглый цвет лица, большие черные глаза, чувствительный рот и маленькие усики, изящно закрученные кверху. Он гордо держал голову и напоминал военного, возможно, потому что многие его предки служили в армии. Хэй был одет в элегантный костюм с Бонд-стрит, а Пол носил хорошо скроенный, но потертый синий сюртук. Все в нем говорило о благородном происхождении, но одежда была ужасно потрепанной.

Оценив все это, а также чердак и скудный ужин, Грексон сделал выводы и облек их в слова.

— Твой отец лишил тебя наследства, — спокойно сказал он, — и все же ты намерен жениться.

— Откуда ты знаешь и то, и другое?

— Я держу глаза открытыми, Пол, и вижу этот чердак и твою одежду. И я заметил румянец на твоём лице, когда ты спросил меня, почему я не женюсь. Ты влюблен?

— Да, — ответил Бикот, побагровев и вскинув голову. — Очень пронизательно с твоей стороны. Прорицай дальше.

Хэй холодно улыбнулся.

— Прорицаю, что если женишься на бесприданнице, будешь несчастен. Но, конечно, — он пристально посмотрел на своего открытого друга, — дама может быть и богата.

— Она дочь букиниста по имени Норман, который, кажется, помимо торговли книгами, берет вещи в заклад.

— Хм, последнее может быть вполне прибыльным делом. Он, случайно, не еврей?

— Нет. Это несчастный одноглазый христианин с манерами испуганного кролика.

— Одноглазый и испуганный, — повторил Хэй задумчиво, но не меняя выражения лица, — завидный тесть. А дочь?

— Сильвия. Она ангел, белая лилия...

— Конечно, — кивнул Грексон, обрывая эти рапсодии. — И на какие деньги ты собираешься жениться?

Бикот выудил из кармана потертый синий бархатный футляр.

— На мои последние пять фунтов и вот это, — сказал он, открывая футляр.

Хэй взглянул на его содержимое и увидел довольно большую брошь в виде змеи, украшенной драгоценными камнями.

— Опалы, бриллианты и золото, — медленно проговорил он и с внезапным оживлением поднял глаза. — Продай ее мне.

Глава II

ДЕБОРА ДЖАНК, ДУЭНЬЯ

В доме № 45 по Гвинн-стрит располагалась букинистическая лавка, большинство товара в которой было почти таким же старым, как само здание. На полинялой синей доске потускневшими золотыми буквами было написано имя владельца, а под ней находились два широких окна, разделенных приземистой дверью, открытой в будние дни с восьми утра до восьми вечера. Внутри лавки царил полумрак и пахло плесенью.

По обе стороны причудливого старого дома сияли новизной мясная лавка и пекарня. Узкий и низкий проход между первым из упомянутых заведений и букинистической лавкой вел в небольшой задний двор, где клиенты, не желавшие быть увиденными, могли спуститься по склизким ступенькам в подвал, чтобы вести с мистером Норманом другие, не связанные с книгами дела.

Этот человек совмещал две совершенно разные профессии. На первом этаже он торговал старыми книгами, а в подвале покупал драгоценности или давал деньги под залог их нуждающимся владельцам. В лавке можно было увидеть бледных юношей, неопрятных рассеянных

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ФЕРГЮС ХЬЮМ
ОПАЛОВАЯ ЗМЕЯ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға кол қойылды 12.07.2024.
Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 27,36. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндүрүш: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШК —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШК филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәшметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-GLD-35102-01-R